

Геополитическая стратегия США в послевоенном мире в прогнозе Н. Спайкмена

М. А. Мунтян*

В то время, как великая победа Антигитлеровской коалиции еще была сокрыта за цепью тяжелых поражений Объединенных наций на полях сражений, а цели ведущейся войны трактовались Ф. Рузвельтом в духе идеалистических подходов к международным отношениям, И. В. Сталиным — в соответствии с постулатами классово-борьбы, У. Черчиллем — в подчеркнуто британском имперском реализме, геополитики уже приступили к созданию вариантов послевоенного геополитического устройства мира, учитывая новые реалии и вновь возникшие проблемы:

- а) прогресс средств и технологий ведения войны;
- б) трагическое перерождение германской геополитики, использованной в качестве идеологии превращения побежденной в Первой мировой войне страны в стремящегося к глобальному господству безжалостного агрессора;
- в) соединение в одном антигитлеровском альянсе морских и континентальных держав, высказавшихся за безоговорочную капитуляцию германо-японского милитаристского блока;
- г) превращение советско-германского противоборства в решающий фронт Второй мировой войны.

Все это потребовало для своего осмысления и решения иных, чем прежде, геополитических проблем, создания более соответствовавшего развивавшимся переменам концептуального аппарата. Пионерами в ревизии классической геополитики выступили американские ученые, что было делом естественным и закономерным. Президент Ф. Д. Рузвельт, при котором США превратились в сверхдержаву, был убежденным противником традиционного американского изоляционизма, господствовавшего в стране после Первой мировой войны. Он лучше других американских политиков понимал причинно-следственные связи мирового развития и необходимость отказа США от

концентрации политики страны в рамках «доктрины Монро». На пороге стоял новый мир, в котором географические ограничения стратегической политики становились все менее значимыми в связи с развитием транспортных технологий, в первую очередь авиации, что обуславливало расширение доступности и достижимости границ любой страны.

В течение практически всего второго срока пребывания на президентском посту Рузвельт пытался убедить конгресс и народ страны в том, что географическая удаленность — недостаточное условие для обеспечения безопасности США. Он считал, что американская «стратегия самообороны должна быть глобальной стратегией». И это ему, в конечном счете, удалось. Обращаясь к конгрессу 7 января 1943 года, то есть уже спустя год после вовлечения страны во Вторую мировую войну, Рузвельт подчеркивал: «Несомненно, многие американцы даже сейчас думают, что нация может кончить эту войну наиболее удобным для себя способом и залезть затем в свою американскую нору и закрыть ее. Но мы поняли уже, что не можем вырыть нору такой глубокой, чтобы она оказалась безопасной против хищников. Большинство американцев осознают, как никогда ранее, что современные вооружения в руках агрессивных наций могут принести завтра нашему существованию или существованию других наций или того или иного континента, острова угрозу».

Франклин Делано Рузвельт (1882–1945) был политиком не только по призванию, но и по семейным традициям. Он принадлежал к клану Рузвельтов, весьма разветвленному роду переселенцев из Голландии. Женившись на Элеоноре Рузвельт, своей дальней родственнице, Ф. Рузвельт по существу определил линию жизни. Дело в том, что его жена была племянницей Теодора Рузвельта, президента США в 1900–1908 гг. Близкие родственные отношения

* Михаил Алексеевич Мунтян — доктор исторических наук, профессор, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО — Университета».

с президентом способствовали ранней политической карьере ФДР. В возрасте 28 лет он становится сенатором, через 3 года, в 1913 г., когда к власти пришли демократы во главе с Вудро Вильсоном, ФДР получает пост заместителя министра по морским делам. И в связи с известной дружбой Теодора Рузвельта с А. Мэхэном, и в силу своей специализации в области морской политики ФДР не мог не знать о воззрениях адмирала хотя бы из-за своего должностного положения. Стоит ли удивляться, что он выступал за наращивание военно-морской мощи США и активное участие США в мировой политике.

В этот же период завязывается его дружба с У. Черчиллем, занимавшим пост морского министра Великобритании. Рузвельт был активным борцом за вступление США в Первую мировую войну на стороне Антанты. После поражения Демократической партии в 1919 г. и тяжелой болезни в 1921, сделавшей его инвалидом, ФДР лишь в 1928 г., после длительного пребывания в тени, делает первый уверенный шаг в борьбе за национальное политическое признание. Он был избран губернатором штата Нью-Йорк, оказавшись лицом к лицу с самым крупным очагом национального бедствия, связанного с мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг. Пребывание на губернаторском посту позволило ФДР стать главным кандидатом Демократической партии на президентских выборах 1932 года. Речь о «забытом человеке» 7 апреля 1932 г. ФДР начал предвыборную кампанию. Он предложил народу идею о проведении прогрессивных реформ для решения стоящих перед страной экономических и социальных проблем.

4 марта 1933 г. на ступенях Капитолия ФДР принял присягу президента США и в первые 100 дней своего правления осуществил целый ряд мероприятий, ставших основой его «нового курса». Борьба вокруг проблем реформирования самой организации американского общества была длительной и не всегда результативной. Лишь начало Второй мировой войны, как считают многие исследователи, принесло США экономический подъем, всеобщую занятость и социальное успокоение в результате роста жизненного уровня населения.

Естественно, что внутренние проблемы оставляли ФДР мало времени для занятия международными делами. К тому же страна, потрясенная жестоким экономическим кризисом¹, а затем испытывавшая длительную депрессию, вынужденно ограничивала свою международную деятельность. В первое президентство ФДР из американских внешнеполитических акций выделялось лишь признание СССР и установление с ним дипломатических отношений. Выступая 21 октября 1944 г. перед членами Ассоциации внешней политики в Нью-Йорке на финише своей четвертой избирательной компании, ФДР следующим образом осветил решение о признании Советского Союза: «В 1933 г. одна дама, сидящая за этим столом напротив меня², вернулась из поездки, во время кото-

рой она посетила одну из школ. Заглянув в класс истории и географии, где занимались дети 8, 9 и 10 лет, она увидела политическую карту мира с большим белым пятном в середине. Одно белое пятно, и ничего более. Отвечая на вопрос, учитель объяснил, что школьный совет не разрешает ему ничего говорить об этом большом белом пятне, и все потому, что под ним подразумевается Советская Россия, на территории которой живет 100 или даже 200 миллионов человек. В течение 16 лет до происшествия, о котором идет речь, американский и русский народы не имели практически никаких каналов для общения друг с другом. Мы восстановили эти каналы».

Данную акцию он относил к самым большим достижениям внешнеполитической деятельности возглавляемой им администрации. Вместе с тем Рузвельт и его министры сознательно отдали инициативу в руки изоляционистов при обсуждении закона о нейтралитете, принятом американским конгрессом в конце августа 1935 года, именно тогда, когда Италия открыто угрожала войной Эфиопии, а Германия, в нарушение Версальского договора, объявила себя свободной от обязательств по всем его военным статьям, то есть фактически попустительствовали расширению фашистской агрессии. Лишь вторжение Японии в Центральный Китай и обострение японо-американских противоречий заставили Рузвельта произнести 5 октября 1937 г. в Чикаго свою знаменитую «карантинную» речь, в которой он осудил «существующие режимы террора», развязавшие «глобальную агрессию».

Он призвал мировое сообщество установить «карантин» с целью воспрепятствовать распространению эпидемии разбоя и произвола в отношении суверенных народов. Но и в дальнейшем США продолжали потворствовать политике «умиротворения» агрессоров. Вместе с Англией и Францией они стремились канализировать усилия агрессивных держав на восток, против Советского Союза. Сам Ф. Рузвельт в беседе с Джозефом Дэвисом в октябре 1942 года признал: Америка в предшествовавшие мировой войне годы «не была готова ни к осознанию возникшей угрозы, ни к признанию выпавшей на ее долю ответственности»³.

«Война омолодила американский капитализм», — писал в своей книге «Восставшие против войны» Лоуренс Уиттнер. И он был прав, об этом же говорили и объективные данные. Если в 1940 г. валовой национальный продукт США исчислялся суммой в 90 млрд. долларов, то к 1944 году он достиг цифры в 200 млрд.; если к началу 1940 года в стране насчитывалось 12 млн. безработных, то к концу войны в промышленности чувствовалась нехватка рабочих рук. Особенно быстро развивались отрасли, производившие вооружение: в 1939 г. в авиапромышленности было занято всего 63 тыс. рабочих, за годы войны их численность выросла до 1 млн. 345 тысяч. Фантастическим был рост производства в радиотехнической

промышленности: объем реализации продукции этой отрасли возрос на 2000 процентов. Только в 1944 г. правительство израсходовало 700 млн. долл. на исследовательские работы в военной области⁴, причем большая часть этой суммы была передана в руки частных фирм и университетов.

В стране сформировался мощный военно-промышленный комплекс, интересы которого стали влиять на интерпретацию национальных интересов страны ее правящей верхушкой. В США утверждалось новое экономическое мышление, которое предусматривало, как об этом выразился президент корпорации «Дженерал электрик» Чарльз Вильсон, поддержание на ходу «постоянной военной экономики». Это мнение полностью совпадало с желанием профессиональных военных кругов, от имени которых заместитель военно-морского министра Джеймс Форрестол требовал в 1943 г. усиления военной мощи страны с целью установления полного контроля над миром. «У нас теперь в руках сосредоточена огромная сила, — утверждал он, — и мы должны непременно сохранить ее». Идея о превращении военного производства в приоритетное направление американской экономики и после окончания войны пришла по душе многим, особенно тем, чьи души, по словам американского историка Бернарда Девото, совращал предательский страх «перед наступлением мира». В США, «де факто» ставших сверхдержавой, усиливались настроения в пользу экспансионистской политики на завершающемся этапе Второй мировой войны и в послевоенный период.

Особенно явственно и открыто подобное направление политико-стратегического мышления у части американского истеблишмента проявилось в трудах ученых — геополитиков. Если Ф. Рузвельт по праву считается первым президентом, стоявшим у руля американской сверхдержавы, то Николасу Спайкмену должна быть отдана пальма первенства в конструировании первой модели ее глобальной геополитической стратегии. Американский геополитик Эндрю Джорджи отмечал в этой связи, что у Спайкмена в его работах содержалось «первое энергичное изложение геополитической теории интервенционизма», которую он характеризует следующим образом: «Теория интервенционизма раскрывает политическую решимость Соединенных Штатов никогда не быть буферным государством между Германией и Японией. Она включает также пересмотр „доктрины Монро“, которая развилась из „гуманного и неосязаемого принципа“ в сильную и крепко сложенную доктрину. Заново оживленная, „доктрина Монро“ покрывает не только защиту всего Западного полушария, но также и поддержание прочного баланса сил на ключевых континентах — в Европе, Азии и Африке. Наконец, она включает защиту американских глобальных интересов, зафиксированных в Атлантической партии, и их обеспечение соответствующей военной силой и последовательной, более

реалистичной внешней политикой»⁵. Р. Стросс-Хюпе об этом же писал в несколько иной интерпретации: «В интересах не только США, но и всего человечества, чтобы существовал один центр, из которого осуществлялся бы балансирующий и стабилизирующий контроль, сила арбитра, и чтобы этот балансирующий и стабилизирующий контроль находился в руках Соединенных Штатов»⁶.

Американец голландского происхождения, Николас Спайкмен (1893–1943) был профессором международных отношений, создателем кафедры политических наук, директором Института международных отношений при Йельском университете, идейно принадлежал к последователям и продолжателям геополитических взглядов адмирала А. Мэхэна. Правда, его мало волновали проблемы связи народа с почвой — пространством, влияние рельефа на характер нации, равно как и сама география с ее политическим контекстом. Он предпочитал рассматривать геополитику как важнейший инструмент выработки конкретной международной политики, как аналитический метод и систему формул, позволяющих выработать эффективную для данных обстоятельств стратегию.

«В мире международной анархии, — писал Спайкмен, — внешняя политика должна иметь своей целью, прежде всего, улучшение или, по крайней мере, сохранение сравнительной силовой позиции государства. Сила, в конечном счете, представляет собой способность вести успешную войну, и в географии лежат ключи к проблеме военной и политической стратегии. Территория государства — это база, с которой оно действует во время войны, и стратегическая позиция, которую оно занимает во время временного перемирия, называемого миром. География является самым фундаментальным фактором во внешней политике государства потому, что этот фактор — самый постоянный. Министры приходят и уходят, умирают даже диктаторы, но цепи гор остаются непоколебимыми»⁷.

В этой связи американский геополитик выделял три крупных центра мировой мощи: атлантическое побережье Северной Америки, европейское побережье Атлантики и евразийский Дальний Восток. Он также допускал появление четвертого подобного центра, имея в виду Индию. Из всех трех евразийских регионов Спайкмен считал особо значимым для Америки европейское побережье, поскольку США возникли в качестве трансатлантической проекции Европы, к тому же наиболее важные регионы страны были ориентированы в сторону Атлантического океана.

В своих основополагающих трудах — «Американская стратегия в мировой политике» (1942) и «География мира» (1944)⁸, — Спайкмен жестко критиковал геополитическую школу Германии. «Тип анализа, предлагаемого нами, — пишет он в первой из указанных работ, — абсолютно отличен от геополитической метафизики, которая характерна для германской школы геополитики. Хаусхофер умудрился придать

понятию „граница“ мистический моральный характер. Экспансия к этой мистической границе в виде ответа на магическую концепцию пространства представляется едва ли не божественным провидением. Подобной мистической ерунде не должно быть места в геополитике. Никакое данное географическое очертание не может быть описано как этически более предпочтительное для страны, чем какое-либо иное... Географические факты не меняются, но меняется их значение для политики»⁹.

Как и для большинства американских геополитиков, для Спайкмена характерен довольно сильный утилитаризм, заключающийся в стремлении отыскать конкретную и эффективную формулу, способную обеспечить США доминирующие позиции в мире. Его теоретические изыскания в этой связи всегда подчинялись конкретным целям. Спайкмен, излагая собственное понимание целей геополитики, выдвигал и обосновывал тезис о том, что основной целью геополитической теории является обеспечение безопасности государства. «Необходимо, — пишет он в „Географии мира“, — рассматривать проблемы безопасности страны с точки зрения географии таким образом, чтобы выводы приводили к немедленной пользе для политиков. Именно так я понимаю термин „геополитика“»¹⁰. Геополитика, по его мнению, должна всегда давать ответ на вопрос: «Какая при данной географической ситуации должна быть наилучшая политика, чтобы достичь безопасности страны». Он считал, что безопасность является производной еще и от мощи страны, поэтому геополитика должна учить, как сохранять и укреплять силовой потенциал страны, в чем и состоит, по его мнению, «фундаментальная роль»¹¹ этой науки. Сила, как писал Спайкмен, является необходимой составляющей любого политического порядка, поэтому ее использование в международных отношениях является естественным и закономерным.

Отправляясь от критериев, в свое время предложенных Мэхэном, Спайкмен предлагает свои 10 составляющих геополитического могущества любого государства:

- поверхность (рельеф) территории;
- природа границ;
- количество населения;
- наличие или отсутствие полезных ископаемых;
- экономическое и технологическое развитие;
- финансовая мощь;
- этническая однородность;
- уровень социальной интеграции;
- политическая стабильность;
- национальный дух.

Если суммарный результат оценки геополитических возможностей государства оказывался невысоким, то оно, как считал американский геополитик, вынуждено будет поступаться частью своего суверенитета, искать геополитической протекции тех держав, которые руководствуются в своей меж-

дународной деятельности глобальной стратегией. Обосновывая ведущую роль США в послевоенном мире, Спайкмен пишет об особой геополитической реальности — «атлантическом континенте», связанном общностью культуры западноевропейского происхождения, идеологией либерального капитализма, демократией, единством политической судьбы. Мозгом этого атлантического сообщества, по его мнению, являются Западная Европа и пояс восточного побережья США (в первую очередь Нью-Йорк), главным силовым механизмом континента — США, располагающие мощным военно-промышленным и торговым потенциалом. Европа все больше становится придатком США: экономическим, военным, интеллектуальным. Ее роль, политическая суверенность европейских государств с течением времени будут сокращаться. Власть на континенте постепенно перейдет к особой структуре, в которой объединятся лидеры всех атлантических пространств. Ясно, что руководящая роль в такого рода структуре неизбежно будет принадлежать США.

Ученый связал проблемы безопасности США с геополитикой в период, когда в американском обществе не было консенсуса относительно способов и методов реализации национальных интересов США, прежде всего в области обороны. Несмотря на вовлеченность страны в мировую войну, в политической элите и общественном мнении продолжали сталкиваться концепции обеспечения безопасности за счет контроля над Западным полушарием и идеи о решении оборонных задач в рамках глобальной системы безопасности, за что ратовал Ф. Рузвельт. Спайкмен не только решительно поддержал точку зрения своего президента, солидаризовавшись с его концепцией «стратегии глобальной обороны», но и уточнил, что в его видении «безопасность должна пониматься как интегрированный контроль над пространством», при этом сделал ряд серьезных открытий в геополитической теории.

Во-первых, он подверг корректировке традиционное полушарное представление о мире, при котором США находились на периферии евразийского материка, а сам этот континент был маргинальным по отношению к США, рассматриваемых как центральная часть Западного полушария. Спайкмен напомнил всем ученым, что, помимо Атлантического и Тихого океанов, есть еще и Северный Ледовитый. И если смотреть на континенты, находясь на Северном полюсе, то становится ясно, что именно этот океан является внутренним для евразийского и североамериканского континентов. Он писал в этой связи: «Атлантический и Тихоокеанский фронты не являются наиболее важными линиями контактов со Старым светом. К северу лежит третий фронт, на котором доминирует авиация и который в нашей стратегии мира и войны скоро станет наиболее важным, если уже не стал. Так как Северный фронт находится ближе к евразийским центрам силы с точки зрения авиации, то

неизбежно любая точная карта должна быть сделана на основе полярноцентричной полюсной азимутальной эквидистантной проекции. Подобная карта не только правильно, по мнению Спайкмена, показывала массу суши Северного полушария, но и подсказывала, что именно эта часть глобуса наиболее важна с точки зрения экономической и политической. Именно такая карта демонстрировала близость американского континента к евразийскому, их концентрацию вокруг Ледовитого океана. Обычная же карта показывает океаническую прерывность и помещает Западное полушарие на периферийную позицию». «Границы между Новым и Старым светом, — продолжал американский геополитик, — имеют различное геополитическое значение. В течение трех столетий Атлантика была главной магистралью между Америкой и Европой, а Тихий океан — между Америкой и Азией. Ледовитый океан, напротив, являлся барьером на пути коммуникации между Западным и Восточным полушариями. Климат и ограничения в технической сфере были препятствиями для освоения Ледовитого океана. Авиация дала возможность бороться с неприветливой природой Севера»¹².

Во-вторых, важной составной частью геополитических взглядов Спайкмена стала концепция окружения США посредством блокады океанических коммуникаций. Он считал, что если его страна когда-либо вновь обратится к политике изоляционизма, то это автоматически приведет к ситуации, когда она окажется окруженной враждебными государствами и будет обречена на потерю суверенитета. В книге «Американская стратегия в мировой политике» Спайкмен аргументирует указанную позицию, описывая не являвшийся сколько-нибудь исключительным для 1942 года сценарий: Германия захватывает территорию России вплоть до Урала, Япония отторгает Дальний Восток, допустив сохранение небольшого и политически маломощного русского государства в Центральной Сибири, в результате чего на евразийском континенте образовывался мощный альянс под эгидой Германии. Такой оборот событий был крайне неблагоприятным для США, так как грозил этой стране тотальным окружением.

«Наиболее важным в ситуации, с которой мы столкнулись в 1942 году, — писал этот профессор, — был факт того, что Германия и Япония достигли многого из того, чего они добивались, потому что между ними существовал политический союз. Таким образом, перед нами встала проблема возможного полного окружения и столкновения с единой евразийской силой. При этом силовые центры Восточного полушария будут перевешивать, и мы не сможем обеспечить свою независимость и безопасность. Если мы хотим избежать полного окружения в будущем, то должны постоянно заботиться в мирное время, чтобы не возникла нация или союз наций, обладающие доминирующей силой в любом из двух регионов Старого света. Из этого следует, что внутренние си-

ловые отношения между государствами европейского континента определяют в очень высокой степени курс нашей политики»¹³.

В этой своей работе Спайкмен дает весьма резкую оценку мировой ситуации и причин, ее породивших. Он считал, что именно политика попустительства со стороны Великобритании и Франции в период между двумя мировыми войнами привела к росту германской агрессивности. «Когда Германия разрушала основные политические структуры Европы, оппозиции со стороны Великобритании не было. Германии позволили перевооружиться, оккупировать Рейнскую область, Центральную Европу безо всякого сопротивления, кроме разве что вербальных протестов. Было очевидно, что существовало абсолютное непонимание природы нового оппонента и недопонимание возможностей новых революционных технологий, которым противостояли старые силовые методы», — отмечал он. Только в июне 1939 г. западные страны поняли опасность ситуации и, наконец, начали вести переговоры с Россией о союзе на равных условиях. Но даже тогда они продемонстрировали нежелание обсуждать соответствующую военную конвенцию. Неудача заключения союза между Россией и Западом коренилась как во взаимной неприязни, так и в геополитической ситуации», — констатировал Н. Спайкмен¹⁴.

В-третьих, этот геополитик, хорошо изучивший труды Маккиндера, знакомый с последней версией его глобальной геополитической концепции, обнародованной журналом «Форин афферс» в январе 1943 года¹⁵, предложил свой вариант базовой геополитической схемы, в центре которой, естественно, находились США, и она отражала именно их интересы. Он солидаризуется с Маккиндером в том, что двигателем международных отношений служит дихотомия «морские — континентальные державы», что существует материковая сердцевина — хартленд, — гигантская материковая масса, обладающая огромными стратегическими возможностями и достаточной недосыгаемостью для остального мира, в связи с чем отмечал: «Важность материковой сердцевины, исходя из концепции Маккиндера, заключалась в том, что ее нахождение в центре огромного континента давало возможность создания мощной и объединенной внутренней системы наземной инфраструктуры такого масштаба, что она могла конкурировать с морскими коммуникациями»¹⁶.

Спайкмен разделял и убеждение английского геополитика в том, что указанная континентальная масса когда-нибудь превратится из территории с низким потенциалом в высокоразвитую с экономикотехнологической точки зрения. Он констатировал в этой связи: «С момента развития железных и шоссейных дорог, а также моторных средств передвижения преимущества стали сдвигаться в сторону континентальных держав с развитыми системами транспорта. С прогрессом авиации преимущества

развитых континентальных держав проявились еще ярче, особенно если учесть, что аэродромы строятся гораздо быстрее, чем порты»¹⁷.

Общий алармистский вывод Маккиндера о том, что с совершенствованием технологий стратегическая инициатива и соотношение сил складываются в пользу сухопутных стран, американский геополитик посчитал недостаточно обоснованным и потому преждевременным, полагая катастрофизм в настроениях Маккиндера результатом чрезмерного преувеличения реальных угроз, возникающих перед морскими державами. В результате собственного анализа тенденций развития мира и складывавшегося соотношения сил в нем Спайкмен приходит к выводу, что:

- а) экономически центральная часть материковой сердцевины недостаточно развита в промышленном, сельскохозяйственном и транспортном отношениях;
- б) и климатические, и географические условия препятствуют тому, чтобы хартленд стал географическим центром мира. Американский геополитик оспаривает мнение Маккиндера о хартленде как о «географической оси истории», считая, что эта континентальная масса не несла и не несет в себе какой-либо самостоятельной геополитической миссии или исторических импульсов. Хартленд, с его точки зрения, может считаться лишь потенциальным пространством, то есть он станет геополитическим субъектом только в том случае, если будет в достаточной степени освоен человеком.

Ключом к мировому господству, в интерпретации Спайкмена, является доминирование в «материковой кайме» — римленде. Последний географически представлял собой прибрежные государства Европы и Азии, то есть то пространство, которое Маккиндер описал с помощью понятия «внутренний полумесяц» или которое Мэхэн, применительно только к Азии, считал «спорным поясом». Американский ученый полагал, что история римленда развивалась сама по себе, а не под давлением или влиянием «разбойников суши», что культурные импульсы шли из береговых зон вглубь континентов, а не наоборот. «Материковая кайма евразийской континентальной массы, — писал Спайкмен, — должна рассматриваться как опосредующий регион, расположенный между материковой сердцевиной и морями. Она функционирует как обширная буферная зона конфликта между континентальными и морскими державами. Направленная в обе стороны, она функционирует двойственно и защищает себя и на земле, и на море. Двойственный характер материковой каймы лежит в основе проблем безопасности». «Материковая сердцевина, — продолжал этот автор, — становится менее важной, чем материковая кайма». В этой связи известную формулу Маккиндера — «тот, кто контролирует Восточную Европу, доминирует над хартлендом; тот, кто доминирует над хартлендом, доминирует над Мировым Ост-

ровом; тот, кто доминирует над Мировым Островом, доминирует над миром», Спайкмен заменяет своей: «Тот, кто доминирует над римлендом, доминирует над Евразией; тот, кто доминирует над Евразией, держит судьбу мира в своих руках»¹⁸.

В трактовке Н. Спайкмена евразийская земная масса и северные побережья Африки и Австралии образуют три концентрические зоны. Они известны в мировой политике как следующие геополитические реалии:

- а) *хартленд евразийского континента;*
- б) *окружающая его буферная зона и маргинальные моря;*
- в) *удаленные от центра африканский и австралийский континенты. Внутренняя зона, вокруг которой группируются все остальные — это центральное ядро евразийского хартленда. Вокруг этой сухопутной массы, начиная от Англии и кончая Японией, между северным континентом и двумя южными континентами проходит мировой великий морской путь. Он начинается во внутренних и окраинных морях Западной Европы, в Балтийском и Северном морях; проходит через европейское Средиземноморье и Красное море; пересекает Индийский океан; проходит через азиатское Средиземноморье к прибрежным морям Дальнего Востока, — Восточно-Китайскому и Японскому морям. — И заканчивается в Охотском море.*

Между центром евразийской континентальной массы и этим морским путем лежит большая концентрическая буферная зона. Она включает Западную и Центральную Европу, плоскогорные страны Ближнего Востока, Турцию, Иран и Афганистан, затем Тибет, Китай, Восточную Сибирь и три полуострова — Аравийский, Индийский и Бирманно-Сиамский. Эту тянущуюся от западной окраины евразийского континента до восточной его окраины полосу Спайкмен и назвал евразийским римлендом (от англ. rim — ободок, край, кайма). Практически весь мир, таким образом, был разделен им на хартленд и римленд.

И по отношению к первому, и по отношению ко второму США, по Спайкмену, занимают выгодное центральное положение. Атлантическим и тихоокеанским своими побережьями США обращены к обеим частям евразийского римленда, а через Северный полюс — к хартленду. Американский геополитик считал, что если США смогут обрести атлантические и тихоокеанские военные базы на ударном расстоянии от Евразии, то им удастся контролировать баланс сил вдоль всего римленда, что было равнозначно доминированию над всей Евразией и, соответственно, над всем миром»¹⁹.

Современные геополитики по-разному оценивают выдвижение Спайкменом концепции римленда и его роли в мировой истории. А. Дугин, например, считает, что в принципе Спайкмен, создав концепцию римленда, не сказал ничего нового, так как и для Маккиндера «береговая зона» была стратегической позицией первостепенной важности в контроле над

континентом Евразии. Но английский геополитик понимал эту зону не как самостоятельное и самостоятельное геополитическое образование, а как пространство противостояния двух импульсов — «морского» и «сухопутного». При этом он никогда не понимал контроль над хартлендом в смысле власти над Россией и прилегающими к ней континентальными массами. По его мнению, Восточная Европа являлась промежуточным пространством между хартлендом и «внутренним полумесяцем», следовательно, в соотношении сил на этой периферии хартленда и находился ключ к мировому господству. Спайкмен же представил смещение акцентов в своей геополитической доктрине относительно взглядов Маккиндера как нечто принципиально новое, в то время как речь шла лишь о «некоторой нюансировке понятий».

А. Дугин, осмысливая содержание термина «римленд», писал: «Римленд представляет собой составное пространство, которое потенциально несет в себе возможность быть фрагментом либо талассократии, либо теллурократии. Это наиболее сложный и насыщенный культурный регион. Влияние морской стихии, воды провоцирует в „береговой зоне“ активное динамическое развитие. Континентальная масса давит, заставляя структурироваться энергию. С одной стороны, римленд переходит в остров, корабль, с другой стороны — в империю и дом. Римленд не сводится, однако, лишь к промежуточной и переходной среде, в которой протекает противодействие двух импульсов. Это очень сложная реальность, имеющая самостоятельную логику и в огромной мере влияющая и на талассократию, и на теллуократию. Это не объект истории, но ее активный субъект. Борьба за римленд талассократий и теллуократий не есть соперничество за обладание просто стратегической позицией. Римленд обладает собственной судьбой и собственной исторической волей, которая, однако, не может разрешиться вне базового геополитического дуализма».

Римленд в значительной степени свободен в выборе, но не свободен в структуре выбора, так как, кроме талассократического или теллуократического пути, третьего ему не дано. В связи с таким качеством «внутренний полумесяц» часто вообще отождествляется с ареалом распространения человеческой цивилизации. В глубине континента царит консерватизм, вне его пределов — вызов подвижного хаоса. «Береговые зоны» самой своей позицией поставлены перед необходимостью давать ответ на проблему, предложенную географией»²⁰. Т. В. Андрианова, наоборот, полагает данную концепцию Спайкмена «большим достижением американской геополитики, которая решающим образом повлияла на формирование в США интервенционистского курса в международных делах во время и после Второй мировой войны»²¹. И все же более справедливым следует считать мнение Т. В. Андриановой, несмотря на то, что есть серьезные аргументы и в пользу точки зрения А. Дугина. Дело в том, что он сам признает тезисы Спайк-

мена относительно стратегического верховенства римленда «доказанными самой историей»²².

Э. А. Поздняков, в свою очередь, отмечал, что, как незаурядный политический мыслитель, Спайкмен хорошо понимал преимущества «внутреннего полумесяца» для будущей глобальной стратегии США. Поэтому он и нацеливал американскую стратегию «на этот регион задолго до того, как зараженные вильсоновским наивно-примитивным политическим идеализмом американские государственные деятели стали это осознавать»²³.

В геополитическую картину мира, видимую с позиции «морской державы», Спайкмен вписал важное для понимания всей его концепции понятие «Срединного Океана». В обосновании этого геополитического феномена лежала подчеркнутая аналогия с ролью, которую сыграло Средиземное море в истории становления и развития современного человечества. Средиземноморский ареал античной древности представлялся ему образцом культуры, распространившейся впоследствии внутрь континента («окультуривание варваров Суши») и на отдаленные территории, достижимые только с помощью морских коммуникаций («окультуривание варваров Моря»). В новейшее время, как он считал, такая же модель, но в увеличенном, планетарном масштабе, реализуется в ареале Атлантического океана, оба берега которого — американский и европейский — являются составляющими наиболее развитой в экономическом, политическом и военно-технологическом отношении западной цивилизации. Выделяемую эту геополитическую реальность Спайкмен назвал «атлантическим континентом», в центре которого, как озеро в сухопутном регионе, располагался Атлантический океан. Этот «теоретический континент он уподобил „новой Атлантиде“»²⁴. Но цели при обосновании своего «теоретического континента» американский ученый преследовал весьма прагматичные. Н. Спайкмен на новом историческом этапе развил выдвинутую еще А. Мэхэном идею атлантизма, предопределив, таким образом, дальнейшую практику глобальной внешнеполитической деятельности своей страны.

Глобализовав с помощью концепции римленда мэхэновскую стратегию анаконды в борьбе морских держав против сухопутных государств, Н. Спайкмен сформулировал геополитическое понятие «интегрированного контроля над территорией». Под такой он имел в виду в первую очередь пространство евразийского континента. В своих расчетах американский геополитик исходил из того, что силовые центры восточного полушария и в будущем могут перевешивать силовые возможности Запада, что «силовая» значимость Евразии для поддержания мирового баланса сил превосходит значение американского, в связи с чем ставил задачу обеспечения постоянного контроля над евразийскими просторами. Он мог быть обеспечен, с одной стороны, преобладанием США в зоне римленда, с другой — недопущением

объединения евразийского континента под эгидой какой-либо сухопутной державы, возникновения «единой евразийской силы». Для США «баланс сил, в котором весовые категории равны, не дает чувства безопасности, так как нет четкой ее границы. Полезным является такой баланс сил, который дает свободу действий», — писал Спайкмен.

Он рекомендовал правящей элите своей страны проводить в отношении евразийского континента ту же политику, которой руководствовалась Великобритания в пору расцвета своего могущества. Геополитика же Британии в спайкменской интерпретации выглядела следующим образом: «Англия всегда старалась ограничивать свои обязательства перед союзниками. Идеальным считался союзник, который просил только взаймы и оружие. Возможным союзником становился тот, который просил помощи флотом. Блокада была нормальным и недорогим способом ведения войны. К тому же подобные операции посылки флота к чужим берегам были выгодными, так как позволяли попутно захватывать острова или другие небольшие территории. Когда война завершалась победой, Великобритания полностью прекращала помощь союзнику и начинала помогать более слабым странам. Восстановив таким образом баланс сил, она возвращалась к политике блестящей изоляции. Затем баланс сил вновь нарушался, и цикл повторялся»²⁵. С этой модели, как полагал Спайкмен, и должны были США копировать свое геополитическое поведение в мире и, в частности, в отношении евразийского континента.

Именно поэтому американский профессор утверждал: «Все усилия в данной войне направлены на то, чтобы уничтожить Гитлера и национал-социалистскую партию, но из этого не следует вывод о разрушении Германии как военной силы. Угроза возможного завоевания Азии Японией должна быть исключена, но это не означает полного уничтожения Японии как военной державы и усиления Китая или России в тихоокеанском регионе. Если США не продолжат борьбу до тех пор, пока не победят не только врагов, но и бывших союзников, то послевоенный период будет представлять собой международное сообщество, состоящее из многочисленных независимых государств. А небольшие государства при современных военных технологиях и трехмерной войне становятся очень опасными, так как воплощают собой вакуум власти. Каким бы ни было их историческое значение в области развития человеческой мысли и цивилизации, в эпоху трехмерной войны они становятся источниками политического беспорядка в мировом сообществе»²⁶.

В 1942 году Спайкмен пишет о том, что США должны озаботиться сохранением военных потенциалов Германии и Японии, чтобы не допустить возникновения советско-китайского союза в послевоенное время. В этом случае у возможного англо-американо-японского союза будет достаточно сил, чтобы защищаться, но «недостаточно, чтобы контролировать

мир»²⁷. Он считал чрезвычайно опасной для США и идею объединения Европы. «Федеральная Европа, — писал Спайкмен, — будет представлять собой агломерацию силы, которая в конечном итоге изменит наше значение как атлантической силы и чрезвычайно ослабит наши позиции в Западном полушарии. Если целью будущего мира является создание объединенной Европы, то США движутся в неправильном направлении»²⁸. Правильным же направлением он считал всемерное укрепление союзных отношений с Великобританией, предлагая не останавливаться даже перед образованием англо-американской федерации.

Американский геополитик опубликовал свои исследования и геополитические выкладки в условиях, когда США и СССР возглавляли Антигитлеровскую коалицию, поэтому многие его рекомендации американскому правительству учитывали необходимость поддержания союзных отношений с крупнейшей евразийской державой. Но, подчеркивая статус СССР как «war time ally» (союзника на время войны), профессор из США вовсе не распространял необходимость такого союзничества и на послевоенное время. Он допускал даже перспективу войны с Советским Союзом, так как в условиях мира СССР, по его мнению, превращался в главного геополитического соперника США. И его собственные научные изыскания, и мнение Х. Маккиндера, изложенное престарелым геополитиком в статье «Круглый мир и завоевание мира», убеждали Спайкмена в том, что в случае победы над нацистской Германией СССР автоматически превращался в величайшую сухопутную державу на планете. А это никак не входило в планы США и противоречило их интересам. В этой связи Спайкмен рассматривал римленд в качестве некоего сдерживающего «обруча» вокруг территории СССР, без которого морской мир вряд ли сможет конкурировать с континентальными державами.

Дело в том, что «оружие третьего измерения — авиация» радикально изменило значение морских вооружений и морских баз. «Не существует геополитической области в мире, более подверженной глубокому воздействию авиации, чем морские коммуникации, — писал он. — Морские силы стали абсолютно неэффективными без помощи авиации, а авиация неэффективна, если базируется на маленьких территориях. Это означает, что морские державы могут эффективно действовать только в том случае, если имеют наземные базы»²⁹. Рассмотренная именно в таком ракурсе, геополитическая модель Спайкмена для послевоенного мира несла в себе основополагающие черты политики сдерживания США континентального гиганта — СССР, ставшей впоследствии «визитной карточкой» феномена «холодной войны».

Влияние Спайкмена на послевоенную стратегию и соответствовавшую ей геополитику США было столь значительным, что его коллеги закрепили за ним прозвище «американского Хаусхофера». Действительно, он тщательно изучил идейный потенциал

германской геополитической науки и, когда формулировал концепцию римленда, то опирался не только на наследие Маккиндера и Мэхэна. Он был детально ознакомлен с практическими расчетами руководителей германо-японского блока, которые намеревались овладеть материковой каймой, поставить под свой контроль коммуникации в Атлантическом и Тихом океанах, и изолировать друг от друга силы антигерманской и антияпонской коалиции. Из приводимых Спайкменом в книге «Американская стратегия в мировой политике» карт видно, что Германия и Япония в определенный момент были близки к тому, чтобы получить полный контроль над «спорным евразийским поясом» — всей прибрежной полосой Евразии. Тем самым они могли отрезать хартленд от пространств, контролируемых морскими державами, то есть Великобританией и США. Американский геополитик делает в этой связи следующий вывод: «Германия не боялась сухопутной войны на два фронта, потому что сухопутная армия была одна — русская. Не боялась она и морской войны, потому что могла противостоять британскому флоту. Эти факторы Гитлер изолировал друг от друга и таким образом в определенной степени выполнил требование германского генштаба — избежать войны на два фронта»³⁰.

В послевоенные годы многие геополитические предвидения Спайкмена действительно превратились в международную реальность. Так, США начали войну с Россией, своей бывшей союзницей, правда, в виде только «холодной войны». Великобритания и Япония оказались прочно привязанными к США, став их ближайшими и самыми ценными союзниками. Ни Германию, ни Японию не удалось сохранить в качестве военных держав, но зато они превратились в экономических гигантов, которые упрочили мировые позиции морских держав. Североамериканской сверхдержаве удалось на определенном этапе внести раскол в отношения между СССР и Китаем, разорвав гигантское тотальное поле евразийской континентальной массы, послужившее главным основанием для превращения Советского Союза в сверхдержаву сразу же после Второй мировой войны.

В годы этой глобальной холодной войны неподконтрольность римленда не давала морским державам «интегрированного контроля» над мировым пространством. Более того, события на евразийском континенте стали развиваться в соответствии с исходной посылкой теории Маккиндера. Сильное движение из глубин хартленда в западном, южном и восточном направлениях дали материковой сердцевине огромное влияние в мире. В результате усиления геополитических позиций СССР западные державы получили не «интегрированный контроль», а контроль дезинтегрированный, поделенный между двумя сверхдержавами. И только впоследствии, в ходе «холодной войны» США удалось консолидировать свои позиции в римленде и за счет этого завершить противоборство в свою пользу.

Выдвинутые Н. Спайкменом геополитические концепции стали неотъемлемой частью истории и теории геополитики. Среди них в первую очередь необходимо отметить идеи:

- материковой каймы — римленда;
- сочетания политики интервенционизма с обеспечением национальной безопасности;
- интегрированного контроля над мировым пространством;
- полярно-центрического взгляда на Ледовитый океан;
- представления об Атлантике как «срединном океане»;
- влияния технологических открытий на геополитическое мышление и т.д.).

Многие из них оказали серьезное влияние на формирование стратегии поведения на международной арене одного из двух великих протагонистов в «холодной войне», а значит, вольно или невольно, предопределяли и характер внешнеполитической деятельности другого. Как не без сарказма отмечал обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс» Т. Фридман, схватка двух гигантов послевоенного мира создавала ситуацию, когда «политическим деятелям достаточно было посмотреть, куда склоняется стрелка компаса (выяснить, на чьей стороне Москва или Вашингтон), и тут же определить, чью сторону следует занять». Главным геополитическим итогом Второй мировой войны стало, таким образом, утверждение двухполюсной системы международных отношений, в которой доминировали СССР и США. При этом, с точки зрения геополитического дуализма международной сферы, морской мир оказался сконцентрированным вокруг США, в то время как СССР оказался центром гравитации стран континентального массива.

Показательно то, что «железный занавес», разделивший зоны влияния двух основных победителей во Второй мировой войне, разделил на две части германские земли, зафиксировав их различную геополитическую ориентацию. Дело в том, что еще до войны геополитики отмечали связи западногерманских территорий со странами морского мира, в то время как Пруссия традиционно склонялась к политическим действиям и ориентациям в восточно — континентальном направлении.

«Железный занавес» — образное выражение, использованное Уинстоном Черчиллем в ставшей исторической его речи 5 марта 1946 года в городе Фултон (штат Миссури, США), возвестившей о начале англо-саксонскими государствами «холодной войны» против Советского Союза. Советы, заявил он, установили прокоммунистические правительства в каждой стране, которая была оккупирована Красной Армией, опустив «железный занавес» от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике.

С тех пор это выражение стало синонимом границы между сферами влияния СССР и США в Европе, а также символом различия между открытыми

обществами «западного мира» и закрытыми социальными системами «социалистического лагеря». Одновременно так стала обозначаться передовая линия противостояния двух крупнейших послевоенных военно-политических блоков — Организации Варшавского Договора и Североатлантического альянса. «Железный занавес» явился также отражением реального раскола Европы, идеологическим оправданием геополитической по своей сути борьбы за преобладающие позиции сверхдержав в мире.

13 августа 1961 года «железный занавес» из фигурального превратился в самый что ни есть реальный. В самом центре Европы сначала были установлены проволочные заграждения, которые затем превратились в железобетонную стену. Это был последний после Второй мировой войны акт разграничения европейских сфер влияния двух сверхдержав. Разрушение Берлинской стены в ноябре 1989 года, в свою очередь, стало свидетельством краха послевоенной «системы Ялты» в Европе. Объединение Германии спустя 10 месяцев после этого лишь подтвердило, что в системе международных отношений начинает складываться новый порядок. О разделительных линиях на европейском континенте политики заговорили вновь в связи с начавшимся в 1990-е годы продвижением НАТО на «восток» и решениями о приёме в этот альянс ряда восточноевропейских государств.

Превращению в реальность предсказаний Н. Спайкмена в огромной мере содействовали два события первой половины 1945 года. Во-первых, 12 апреля 1945 года в 15 часов 45 минут от обширного кровоизлияния в мозг умер Франклин Делано Рузвельт.

Этот день для ФДР начался, как обычно, с чтения газет. Они сообщали о взятии Вены русскими солдатами и о боях войск маршала Г. К. Жукова в 40 милях от Берлина, о добровольной сдаче в плен сотен тысяч германских солдат на западном фронте и о боях англо-американских союзников в окрестностях Болоньи. Затем, позируя художнице Шуматовой, заканчивавшей его портрет, ФДР в коротких промежутках подписывал деловые бумаги и перебрасывался двумя-тремя словами с окружавшими его домочадцами. Все восприняли его слова о желании подать в отставку с поста президента США как шутку. На вопрос его родственницы Лауры Делано «И что же вы будете делать?». Рузвельт ответил: «Я хотел бы возглавить Организацию Объединённых Наций».

Накануне, собираясь выступить перед учредительной конференцией ООН в Сан-Франциско, он написал замечательные слова: «Сегодня мы сталкиваемся с основополагающим фактором, суть которого состоит в том, что если цивилизации суждено выжить, то мы для этого должны культивировать науку человеческих отношений — способность всех людей, какими бы разными они ни были, жить вместе и трудиться вместе на одной планете в условиях мира». И хотя этот будущий мир виделся Рузвельту как признающим лидирующую роль США, всё же

Рузвельт никогда «не упускал из виду того факта, что экономические и географические интересы Советского Союза и Соединённых Штатов не сталкиваются. Это утверждал на встрече с советскими руководителями в мае 1945 года Г. Гопкинс, один из его ближайших сподвижников»³¹.

Гарри Трумэн, ставший новым хозяином Белого дома, был известен своей антипатией к СССР, поэтому от него все ожидали ужесточения позиции США в отношениях с Советским Союзом. Уже 13 апреля 1945 года новый президент США направляет телеграмму У. Черчиллю, в которой выразил готовность к «новой конфронтации со Сталиным». 23 апреля, принимая народного комиссара по иностранным делам СССР В. М. Молотова, Трумэн фактически обвинил советскую сторону в срыве ялтинских соглашений. Присутствовавший при этом Гарриман запишет в своём дневнике: «Честно говоря, я был несколько шокирован тем, что президент столь активно атаковал Молотова. Я полагаю, с Молотовым никогда никто таким тоном не разговаривал, во всяком случае, никто из иностранцев... Я сожалел, что Трумэн так жестко подошёл к делу. Его поведение давало Молотову основание сообщить Сталину, что от политики Рузвельта отходят. Жаль, что Трумэн дал ему такую возможность. Я думаю, что это была ошибка, хотя и не столь уж решающая».

Сразу же после вступления в должность президента Трумэн с присущей ему грубой откровенностью и самоуверенностью заявил: «Русские скоро будут поставлены на место, и тогда США возьмут на себя руководство развитием мира по пути, по которому мир следует вести». Уже 18 мая 1945 г. заместитель государственного секретаря США Дж. Грю делился своими мыслями в узком кругу сотрудников: «Будущая война с Россией очевидна. США должны исходить из этого, формируя свою межвоенную дипломатию. Война может разразиться в ближайшие годы. Поэтому нам следует поддерживать в готовности свои вооружённые силы». Подобные настроения и соответствующие им действия подогревали известия о реализации «Манхэттенского проекта», работа над которым была близка к успешному завершению. В апреле 1945 года, ещё до своего назначения на пост государственного секретаря, сенатор Джеймс Бирнс информировал Трумэна о том, что атомное оружие «может оказаться столь мощным, что будет потенциально в состоянии стирать с лица земли целые города и уничтожать население в беспрецедентных масштабах». При этом он подчеркивал, что бомба может дать прекрасную возможность «диктовать наши собственные условия в конце войны».

Новое оружие усиливало в американском политическом истеблишменте позиции универсалистов, выступавших за решающее влияние и вмешательство США в дела государств всего земного шара. Взошла заря атомной эры в международных отношениях. Когда 21 июля в Потсдаме министр обороны США

Стимпсон представил Трумэну развёрнутый доклад об успешном испытании атомного заряда на военно-воздушной базе Аламогордо, последний был «сильно возбуждён» и сказал, что «это даёт ему совершенно новое положение на конференции». Дочь президента Маргарет Трумэн в своих мемуарах отмечала в этой связи: «Это дало возможность моему отцу вести переговоры более смело и решительно. Сцена была расчищена для жесткого торга в Потсдаме». В свою очередь, Роберт Мерфи, принимавший активное участие в реализации внешнеполитических планов Трумэна, записал в своих воспоминаниях: «Когда Трумэн председательствовал на 4-м пленарном заседании, мы заметили перемену в поведении президента. Он казался более уверенным в себе, более склонным к активному участию в дискуссии, к оспариванию некоторых заявлений Сталина. Было очевидно, что что-то случилось».

Отправляясь в Потсдам на встречу «большой тройки», президент Трумэн и его окружение с нетерпением ждали сообщений об испытании первой атомной бомбы. На борт крейсера «Аугуста», который переправлял американскую делегацию через Атлантику, регулярно шли шифровки о ходе подготовки к испытанию в Нью-Мехико. 16 июля, в канун открытия Потсдамской конференции, Трумэн получил долгожданное известие. Когда Стимпсон по поручению президента ознакомил с предварительными результатами прошедшего испытания У. Черчилля, последний не смог скрыть своего восторга. Позднее он записал в своём дневнике: «До этого наше военное планирование исходило из необходимости вторжения на собственно японскую территорию с помощью интенсивных бомбёжек и высадки крупных армий. Мы полагали, что отчаянное сопротивление японцев, которые будут стоять насмерть с самурайской преданностью в любой пещере или в любом укрытии, приведёт к тому, что завоевание Японии шаг за шагом может потребовать миллиона американских и полумиллиона английских жизней. Вместо этого появилось видение яркое и захватывающее — окончание всей войны путём одного или двух сильных ударов... Мы теперь не нуждаемся в русских. Теперь мы располагаем возможностью сразу же прекратить бойню на Дальнем Востоке. Но открываются и более приятные перспективы в Европе. Я не сомневаюсь, что эти же мысли бродили и в головах американских друзей».

И это было действительно так. Сам президент Трумэн признавался, что он наконец-то получил «дубинку для этих парней», имея в виду русских. Американскому президенту не терпелось дать понять советской стороне, что за козырь зажат у него в кулаке. 24 июля, по окончании пленарного заседания, Трумэн подошел к Сталину и сообщил ему, что «США создали новое оружие необыкновенно разрушительной силы». У. Черчилль и Дж. Бирнс, которые знали, о чем говорил Трумэн, внимательно наблюдали за реакцией советского лидера. Он сохранил поразительное спокойствие. Западные партнеры даже пришли к заклю-

чению, что Сталин не понял значения только что услышанного известия. В действительности же генералиссимус просто не подал виду, что понял, о чем шла речь. Маршал Г. К. Жуков, также находившийся в составе советской делегации в Потсдаме, вспоминал: «Вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моем присутствии рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре. В. М. Молотов тут же сказал: „Цену себе набивают“. И. В. Сталин рассмеялся: „Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы“. Я понял, что речь идет о создании атомной бомбы».

Американская делегация во главе со своим президентом возвращалась с конференции в Потсдаме уже после того, как был нанесен атомный удар по Хиросиме. Ч. Болен вспоминал об атмосфере, которая господствовала на крейсере «Аугуста»: «Мы говорили об атомной бомбе и о том, как мы могли бы использовать чувство безопасности и силу, которую она нам давала, в наших отношениях с Советским Союзом. Мы признавали, что СССР не будет реагировать ни на что, кроме как на меры, которые смогут представлять угрозу Советской стране или советской системе. Мы рассматривали шаги, которые могли бы предпринять, начиная от прямого ультиматума с требованием, чтобы Советы ушли за пределы своих границ, до различных степеней давления».

И уже в сентябре 1945 года, на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел, который должен был заняться выработкой проектов мирных договоров с бывшими вражескими государствами, США и Великобритания по существу отказались от политики сотрудничества с Советским Союзом. Тем самым ими был завершён поворот к последовательному и жесткому антисоветизму в международных делах. Работавший в составе американской делегации в Лондоне один из известнейших «рыцарей холодной войны» Джон Фостер Даллес следующим образом характеризовал обстановку на заседаниях СМИД: «В этот момент родилась наша послевоенная политика — „никакого умиротворения“. В целом мы неизменно придерживались этой линии. Наши действия на встрече в Лондоне имели важные последствия: они ознаменовали конец целой эпохи — эпохи Тегерана, Ялты, Потсдама. Тот факт, что я был в Лондоне вместе с государственным секретарем Бирнсом в качестве республиканца, опирающегося на мощную поддержку своей партии, дала мне возможность сыграть значительную роль в важном решении — покончить с политикой поисков соглашения с русскими».

Линия Рузвельта на сохранение сотрудничества с Россией и в послевоенный период была окончательно отброшена. И здесь выяснилась одна любопытная деталь: геополитические идеи и установки, разрабатывавшиеся Николасом Спайкменом для рузвельтовского курса в международных делах, оказались более созвучными и поэтому более востребованными «новым политическим курсом» Америки Гарри Трумэна.

- ¹ Рузвельт пришел к власти, когда в стране было 15 млн. безработных, 3 млн. бродяг, когда банки были закрыты в 38 штатах, а спад производства достиг катастрофических пределов.
- ² Рузвельт имел в виду свою жену Элеонору.
- ³ Мальков В.Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988. С.102–110, 129–141.
- ⁴ В 10 раз больше, чем в 1938 г.
- ⁵ Gyorgy A. Geopolitics. The New German Science. Berkeley, 1944. P. 257–258.
- ⁶ Straus-Hupe R. Geopolitics: the Struggle for Space and Power. N Y, 1942. P. 195.
- ⁷ Книга Спайкмена «География мира» увидела свет в 1944 году, уже после смерти автора.
- ⁸ Spykman N. American Strategy, p. 7.
- ⁹ Ibidem.
- ¹⁰ Ibid., P. 17.
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² Ibidem.
- ¹³ Ibid., P. 34.
- ¹⁴ Ibid., PP. 115, 117, 118.
- ¹⁵ «Foreing Affairs». 1943. Vol. XXI, No. 4.
- ¹⁶ Spykman N. The Geography of the Peace. N.Y., 1944. P. 38.
- ¹⁷ Ibid., p. 33.
- ¹⁸ Ibid., p.p. 41, 43, 44.
- ¹⁹ См. более подр: Поздняков Э. А. Концепция геополитики. В сб. ст. Геополитика: теория и практика. М., 1993. С. 34–37.
- ²⁰ Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое грядущее России. М., 1997. С. 23–24.
- ²¹ Андрианова Т.В. Геополитические теории XX века. М., 1996. С. 104.
- ²² Дугин А. Указ. раб., С. 66.
- ²³ Поздняков Э. А. Указ. раб., С. 34.
- ²⁴ Дугин А. Указ. раб., С. 65.
- ²⁵ Spykman N. American Strategy, P. 105.
- ²⁶ Ibid., p. 463.
- ²⁷ Ibid., p. 460.
- ²⁸ Ibid., p. 463.
- ²⁹ Ibid., p. 54.
- ³⁰ Ibid., p. 121.
- ³¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1984. Т. 2. С. 400.